

инстинктовъ, которые не подчиняются никакому насилію. Нравственную природу человѣка нужно удовлетворять, а не возмущать и насилловать. Виѣ нравственныхъ законовъ нѣтъ общества, и уклоненіе отъ нравственнаго идеала непременно затемнитъ нашъ разсудокъ. Но развѣ въ нашемъ обществѣ сложился какой-нибудь нравственный идеалъ, опредѣлились личныя чувства? Не опредѣлилось ничего кромѣ стремленій и желаній, да той погони за личнымъ счастьемъ, которое довело Каирову до неразумительнаго поступка. Воскресный фельетонъ предлагаетъ разумную волю и думаетъ ею спасти человѣка. Но когда у человѣка нѣтъ точныхъ идеаловъ и положительныхъ чувствъ, вы какъ его ни спасайте—онъ будетъ все стучать лбомъ въ стѣну. Относительно общественнаго идеала мы начинаемъ вырабатывать кое-что, но для личнаго идеала у насъ пока нѣтъ ничего кромѣ разброда. Кто-же найдетъ идеалъ и установитъ его? Литература? Но прежній романъ идеала намъ не далъ; а новаго романа пока нѣтъ и онъ невозможенъ, потому что не романъ создаетъ жизнь, а жизнь романъ. Да и это все ужъ не новая-ли мечтательность?

Д. Л. Мордовцеву.

На-дняхъ, многоуважаемый Даниилъ Лукичъ, вы получите мою брошюру «Смерть провинціи, или нѣтъ», которая служить началомъ отвѣта моего на вашу статью «Печать въ провинціи» и которую вы уже читали въ рукописи, въ октябрѣ прошлаго года, въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ она появляется въ печати, по обстоятельствамъ, отъ меня не зависящимъ.

Здѣсь хочу обратить ваше вниманіе на то, что напрасно вы, въ послѣдней статьѣ вашей «Quos ego!» («Дѣло», № 5), которую я только-что прочиталъ, представляете вопросъ *запутаннымъ* вашими оппонентами: онъ крайне простъ и ясенъ, и какъ простъ и ясенъ былъ, по крайней мѣрѣ для меня, когда я вамъ первый возражалъ въ октябрѣ прошлаго года, такъ простъ и ясенъ для меня и теперь, когда по этому вопросу образовалась чуть-ли не цѣлая литература.

Вы подмѣтили *фактъ*, который давнымъ-давно подмѣченъ былъ и до васъ, и выдали его за *законъ природы*, который за «таковой», правда, ли кѣмъ до васъ выдаваемъ не былъ.

Вы провозгласили *теорію*, давнымъ-давно провозглашенную и до вашей статьи «Печать въ провинціи», и не замѣтили, что всѣмъ сторонникамъ ея очень бы хотѣлось возвести ее на степень *закона природы*.

Вы говорите, что передъ этимъ закономъ остается только преклониться, а если и протестовать, то—«такъ себѣ», для препровожденія времени (иначе, конечно, противъ закона природы и нельзя протестовать).

Мы говоримъ, что законъ, вами открытый—не законъ, а фактъ, явленіе, теорія, противъ которой протестовать, съ которой бороться должно и слѣдуетъ.

Вотъ и весь вопросъ.

Далѣе идутъ уже личные интересы:

Вы настаиваете на томъ, что мы—воробыи, пигмеи... Мы тоже это утверждаемъ. Но вы прибавляете, что вы—орелъ, гигантъ... Мы только скромно прибавляемъ, что *со временемъ* должны вырасти.

Вы говорите, что много работали для провинціи. Мы этого не отрицаемъ, и я убѣждалъ васъ въ этомъ въ своемъ частномъ письмѣ къ вамъ, которое вы гласно цитировали въ № 70 «Новаго Времени», не спросивъ моего дозволенія (по принятому обычаю),—хотя я вамъ его охотно даю заднимъ числомъ, ни на букву не отрекаясь отъ выраженныхъ мною чувствъ глубокаго уваженія къ вашимъ работамъ; я прибавляю только, что письмо это было мною написано до появленія статьи вашей въ №№ 9 и 10 «Дѣла» за прошлый годъ, т. е. до провозглашенія вами закона о стремленіи гигантовъ въ Петербургъ, а провозглашенъ вами этотъ законъ почти вслѣдъ за переселеніемъ вашимъ изъ Саратова въ Петербургъ... Замѣчу кстати, что мы съ вами конкуренты относи-

тельно droit d'invention: когда я чуть не мальчишкой (въ 1858 году) попалъ въ Петербургъ, то увѣрился, что въ немъ только и живутъ умные и развитые люди, а въ провинціи—одно дурачье; но я скоро спохватился и осмѣялъ свою теорію.... Вы до своей теоріи дошли только въ 1875 году и пока еще ее не осмѣяли. Я свою теорію не высказывалъ всенародно, а тайлъ про себя. Вы ее высказали съ трибуны «Дѣла»—вотъ разница между нами.

Вы говорите, что мои казанскіе друзья вышли своимъ «Первымъ шагомъ» изъ повиновенія у меня, ихъ прежняго эскъ-игемона («Quos ego!» стр. 140 «Дѣла», № 5)... Я только изумляюсь такой—извините за выраженіе—колоссальной нелѣпности и прошу васъ при этомъ вѣрить, что счелъ-бы за великую честь обѣими руками подписаться подъ «Литературнымъ обзорѣмъ» г. Литератора-Обывателя, съ которымъ я до такой степени солидаренъ, что въ виду достоинствъ его статьи, охотно принимаю на себя всѣ ея «ужасные» промахи въ родѣ упряжки съ пристяжкой и Гёте.

Въ заключеніе прибавлю, что, считая васъ, говоря высокимъ слогомъ, своимъ «политическимъ врагомъ», я въ то же время считаю васъ, за ваши почтенныя работы для провинціи и въ провинціи, своимъ другомъ и высоко горжусь тѣмъ, что и вы меня другомъ же считаете. Повѣрьте, что сердце мое невыносимо болѣло полчаса тому назадъ, когда я читалъ заключительныя страницы «Quos ego!», на которыхъ вы говорите о своемъ прошломъ въ провинціи. Повѣрьте, что сердце мое невыносимо болитъ о томъ, что въ вашей почтенной дѣятельности легла такая мрачная грань, проведенная въ ней статьей «Печать въ провинціи». Повѣрьте, что я *для васъ* всѣми силами души желалъ бы, чтобы вы отреклись отъ своихъ словъ, чтобы вы поняли, что несчастный законъ вамъ только *показался* закономъ. Повѣрьте, что если вы это сознаете и въ этомъ сознаетесь, на душѣ вашей станетъ легко, тонъ вашей рѣчи «пигмеямъ» будетъ выше, между вашимъ прошлымъ и настоящимъ изгладится мрачная черта—и между вами и вашими истинными друзьями-провинціалами (если вы точно отречаетесь отъ клички «одного изъ нашихъ централистовъ») исчезнутъ тѣ натянутыя отношенія, источникомъ которыхъ останется одно недоразумѣніе—не болѣе.

А. Гацискій.

1-го іюня 1876 г.
Нижній-Новгородъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Н. И. Нѣмшевичъ и И. А. Рождественскій. 30-го мая скончался въ Баденъ-Баденъ отъ чахотки К. П. Нѣмшевичъ, принимавшій одно время дѣятельное участіе въ журналѣ «Время», въ періодъ редакторства покойнаго М. М. Достоевскаго. Нѣмшевичъ воспитывался сначала въ петербургской духовной академіи, а затѣмъ, перейдя на юридическій факультетъ здѣшняго университета и получивъ въ немъ степень кандидата правъ, поступилъ на службу въ департаментъ мануфактуръ и торговли, въ которомъ служилъ до самой смерти. Въ журналѣ «Время» онъ велъ политическое обзорѣніе, обращавшее на себя вниманіе своею талантливостью. — Въ Петербургѣ 29-го мая скончался И. А. Рождественскій, участвовавшій въ «Искрѣ», «Новомъ Времени» (временъ г. Устрялова), «Русскомъ Мірѣ» и др. изданіяхъ; кромѣ того, имъ было издано нѣсколько серьезныхъ переводныхъ сочиненій и брошюра «Литературное паденіе Жуковскаго и Антоновича». Въ послѣднее время покойный работалъ въ издаваемыхъ генераломъ А. Ѳ. Гейротомъ журналахъ «Мірскаго Вѣстника» и «Чтеніе для солдатъ».

Самарской губерніи Новоузенскаго уѣзда на р. Бол. Узень **ПРОДАЕТСЯ** 1217 десят. черноземной, производящей пшеницу—бѣлотурку земли; участокъ—по рѣкѣ протяженіемъ 4 версты а въ другую сторону 3 верст. Есть хуторъ хозяйственно-устроенный, рабочая скотина—быки и лошади, амбары на двѣ тысячи мѣшковъ (16 т. пудъ), экономическій посѣвъ озимаго и яроваго.—Подробности и цѣну можно узнать, адресуясь—Предсѣдателю сарат. уѣздной земской управы съ передачею въ дер. Быковку сарат. уѣзда М. Н. С. 2—1

Редакторъ-издатель Н. А. Гайдебуровъ.